

УДК 811.161.1'373.23:821.161.1.09

МИФ, ИМЯ, СУДЬБА ГЕРОЯ В ЭСТЕТИКЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

(на материале произведений В. О. Пелевина)

А. О. Белоконева

THE CHARACTER'S MYTH, NAME AND FATE IN POSTMODERNISM ART

(as revealed in V. O. Pelevin's works)

A. O. Belokoneva

В статье анализируются основные модели поведения героев (в зависимости от мифологического начала имени), реализуемые в текстах В. О. Пелевина; обсуждаются проблемы именования в лингвофилософской теории и художественной практике.

The article provides an analysis of characters' basic behaviour patterns (in relation to the mythological origin of their names) that are represented in V. O. Pelevin's works; the problems of naming in linguophilosophy and literary texts are discussed.

Ключевые слова: антропонимы, постмодернизм, модель поведения, мифологема.

Keywords: anthroponyms, postmodernism, types of anthroponyms, mythologem.

Меняются культурные парадигмы, ракурсы исследований, но проблема соотношения имени и вещи остается актуальной и в наши дни.

Имя и именуемое относятся к древнейшим объектам рефлексий, нашедшим свое отражение в мифологическом сознании человечества. С развитием философской мысли эта идея была подхвачена великими философами и заняла значительное место в философской мысли. Проблемы соотношения имени и вещи, отражения в имени сущности вещи, воплощения мифологического начала в имени становятся объектами научно-философской мысли и разрабатываются в трудах известных философов (Платон, Ш. де Бросс, Ж. Ж. Руссо, Ф. Шеллинг, Г.-В. Ф. Гегель, Л. Мюллер, В. Гумбольдт, Э. Гуссерль, С. Булгаков, А. Лосев, П. Флоренский) и лингвистов (Ф. де Соссюр, А. Потенция, А. Суперанская, В. Виноградов, А. Реформатский, В. Бондалетов и др.). Подробный анализ развития лингвофилософской интерпретации проблемы соотношения имени и именуемого представлен в работах З. И. Резановой [1, с. 32 – 48; 2].

Параллельно с научной разработкой теории именования в обыденном сознании носителей языка бытует мифологическое представление о сущности именования, которое воплотилось в практическом использовании: мифологическая функция имени нашла свое отражение в толковании имен, в народной этимологии, в практике имянаречения. В установившейся системе христианского и мирского именования на Руси в имянаречении детей носители русской лингвокультуры воплощали представление о Божественном предопределении судьбы именем, данным ребенку. Даже после принятия христианства люди не перестают верить в мифологическую – сверхъестественную составляющую имени. Наречение младенцев по святым, когда ребенка защищает святой дух, чье имя он носит (имя становится Божественным оберегом человека), является подтверждением веры в связь имени и судьбы человека.

Художественная литература и личное имя отождествлялись с единым началом – «сакральным», поэтому в текстах художественной литературы находят отражение тайные смыслы и верования относительно

имен собственных: «Поэтический язык был языком богов, языком выстроенным и оформленным. Личное имя, связывающее человека с его земными и небесными прародителями, обозначающее его место в мироздании также принадлежало к сакральному языку» [3, с. 141]. Писатели, основываясь на традиционных отношениях к имени собственному как к сакральному тексту, уделяют большое внимание антропонимам как значимым компонентам художественного произведения.

Ученые отмечают сложившуюся традицию художественной литературы – использования «говорящих» имен и фамилий. Так, А. А. Реформатский подчеркивал особую функцию литературного ономастикона: «Бывшее нарицательное значение может быть использовано характерологически. Имя и фамилия персонажа могут быть элементом его характеристики. Наиболее простой путь – это так называемые «говорящие фамилии», типичные для русской литературы XVIII в.» [4, с. 40]. В. С. Виноградовым предложен термин «смысловые имена»: «Смысловое имя – это своеобразный троп, равнозначный, в известной степени, метафоре и сравнению и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа или социальной среды. Смысловые имена придумываются автором, преследующим определенные цели и опирающимся в своем словотворчестве на существующие в ономастике традиции и модели» [5, с. 161]. Так, в художественной литературе формируется практика именования, в основу которой легли представления о единстве имени и его носителя, об именованиях по природе вещей. В манере поведения и внутренних монологах героев в той или иной степени находят свое воплощение представление о мифологичности имени, а развертывание мифа имени играет одну из главенствующих ролей в понимании всего произведения в целом.

К этим традициям восходит и интерес современного общества к семантике имени, к проблеме именования, что актуализируется событиями, происходящими в культурной жизни носителей языка. С одной стороны, с развитием взаимоотношения культуры и религии становится необязательным имянаречение

младенца согласно календарному способу, также законодательно разрешается смена имен и фамилий (в угоду эстетике личного имени, как дань моде др.), что приводит к подрыву представлений о единстве имени и его носителя. С другой стороны, происходит укрепление традиционного мифологического восприятия имени, которое отчетливо прослеживается в множестве книг о толковании имен, в виртуальном пространстве сети Интернет, в текстах современной художественной литературы, в которых актуализируется мифологическая идея соотношения имени и вещи. Современная литература не настаивает на верности одной из теорий именования, она обращает внимание на древнейшую проблему, побуждает читателей к размышлению над ней.

Постмодернизм, как любое культурное явление, вообрал весь предшествующий культурный опыт и преломил его через призму современности. Актуальная проблема соотношения имени и вещи, воплощения мифологического начала имени в судьбе человека, носящего имя, раскрывается на страницах художественных произведений с помощью принципиально иных средств. Постмодернизм стремится воздействовать на сознание читателя посредством мифопоэтики и имьятворчества, представляя рефлексии героев относительно семантики имен, создает окказиональные авторские антропонимы, которые не поддаются однозначной интерпретации. Подобные антропонимы являются целостным текстом, декодирование которого предполагает развертывание мифа имени.

Мифологическая функция антропонимов находит свое отражение в рефлексиях героев по поводу семантики имен собственных, воплощается в моделях поведения героев. Одной из особенностей литературы постмодернизма является использование в тексте произведения неоднозначных полисемантических имен собственных, дешифровка которых способствует развитию сюжета всего произведения.

Одним из ярчайших представителей постмодернизма является В. О. Пелевина. Творчество этого писателя получило высокую оценку со стороны критиков, которые отмечали новизну лингвопоэтики автора. Писатель использует различные типы имен собственных, включая окказиональные имена, для создания сложных противоречивых характеров героев.

Цель данного исследования – выявление и описание моделей поведения героев постмодернистского текста в их соотношении с мифологическим началом имен героев на материале романов В. О. Пелевина («Generation «П» [6], «Желтая стрела» [7], «Омон Ра» [7], «Шлем ужаса» [8], «П5» [9]. (Контексты далее цитируются по этим изданиям).

Как показал проведенный анализ, в данных произведениях реализуются две основные модели поведения героев: 1) герой следует предопределению, заложенному в смысле своего имени, 2) герой отвергает предопределенность судьбы, отвергает мифологическое начало собственного имени, борется с ним.

Рассмотрим подробнее первую модель поведения героя. К героям, следующим за своими мифологическими / культурологическими прототипами в выборе модели поведения, можно отнести Ромео-у-Cohiba, IsoldA, Ariadna, Organizm. Например, фамилия и от-

чество героя романа «П5» (часть «Пространство Фридмана») – *Чингиз Платонович Каратаев* отсылает читателя к роману Л. Н. Толстого «Война и мир», где народный философ Платон Каратаев «проповедует» философию «жизни по совести». Герой Пелевина олицетворяет философию нового поколения – «философию денег», которая противопоставлена идеалам прошлого. Чингиз Платонович Каратаев, исходя из полного имени, является прямым потомком Платона Каратаева, который продолжает поиски философских идей и их практических воплощений в жизнь. Смена философских интересов обусловлена изменившимися идеалами современного поколения: в прошлом ценилась человеческая честь, в настоящем – деньги. Чингиз Платонович Каратаев – первый русский философ-бабонафт, решивший проверить на деле поговорку «деньги липнут к деньгам».

Имя *Чингиз* не входит в русский ономастикон и для носителей русской лингвистической культуры имеет мифологическое значение «чужеродности» – «принадлежащий другому народу», оно восходит к монгольскому *Чингис* – «великий, сильный, могущественный, всемирный господин». Также это имя в сознании читателя на основе ассоциативных связей соотносится со следующими лингвокультурами:

1. *Чингисхан* (Темучин) – основатель первой Монгольской империи, завоеватель, полководец, основоположник татаро-монгольского ига.

2. *Чингиз Айтматов* – знаменитый писатель, чье творчество принизано философией поиска смысла жизни.

Чингиз Платонович Каратаев – выдающаяся личность, «первопроходец» в своей «отрасли философской мысли», стремившийся завоевать мир посредством денег, в чем видится сходство с мифологической личностью – Чингисханом, обязавшим платить дань многие страны. Значение «принадлежности другому народу», содержащееся в имени героя, акцентирует внимание на том, что «философия денег», пропагандируемая Каратаевым, является чужеродной для носителей русской культуры.

Леонид Азадовский – герой романа «Generation «П» – при рождении получил имя Легион, которое впоследствии им было заменено фонетически сходным – Леонид. Он гордится тайным смыслом, скрытым в имени, но не осознает до конца его темную природу:

– *Владимир Татарский, – сказал Татарский, приподнимаясь и пожимая пухлую вялую ладонь.*

– *Ты не Владимир, а Вавилен, – сказал Азадовский. – Я про это знаю. Только и я не Леонид. У меня папаша тоже мудака был. Он меня знаешь как назвал? Легионом. Даже не знал, наверно, что это слово значит. Сначала я тоже горевал. Зато потом выяснил, что про меня в Библии написано, и успокоился [6, с. 231].*

В Библии от Марка (гл. 5) сказано:

⁸*Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека.*

⁹*И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много.*

¹⁰*И много просили Его, чтобы не высылал их вон из страны той [10].*

В библейском тексте Легион – это зловещий демон, которого Иисус изгнал из человеческого тела в стадо свиней. Фамилия *Азадовский* имеет аллюзию на лингвокультурему: Азадовский – русский фольклорист, историк. У Пелевина же Азадовский – начальник «Института пчеловодства», в котором создают рекламу (его миссия «собирать рекламу», он только руководит) и творят историю посредством создания виртуального правительства. Анализируя фамилию героя, необходимо отметить, что сегмент «а» (*Азадовский*) несет отрицание, второй сегмент «задовский» (*Азадовский*) имеет значение «в конце, сзади, последний», в итоге Азадовский – «не последний, один из первых». Легион Азадовский – демон во плоти, который посредством мультимедиа стремится завладеть умами миллионов людей, подчинить их искусственно созданной системе.

Имена героев романа «Омон Ра» – *Кривомазов Омон*, *Кривомазов Овир*, *Кривомазов Матвей* – сочетают аллюзии на образы классической литературы (на роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») и советской реальности. Братьев подстерегает нелегкая судьба, а надежды отца относительно судьбы детей не оправдываются. Фамилия *Карамазов* изменена, сегмент фамилии «криво» указывает на значение «промах», «не в цель». В действительности герои идут по жизни «криво», не прямыми путями. Так, имя Овир, образованное от аббревиатуры ОВИР – отдел виз и регистраций иностранных граждан, не помогает выезду за рубеж: «Овир, которого отец хотел сделать дипломатом, умер от менингита в четвертом классе» [7, с. 8]. Глава семьи – Матвей, тоже является обладателем нелегкой судьбы. Главный герой романа – Омон – задумывается о влиянии имени на судьбу человека, но, исходя из семейного опыта, сомневается во взаимосвязи: «Мне отцовские планы на мой счет особого доверия не внушали – ведь сам он был партийным, имя у него было хорошее – Матвей, но все, что он себе выслужил, это нищую пенсию да одинокое старческое пьянство» [7, с. 8]. Герой делит имена на «хорошие» и «нехорошие», но не уделяет внимания значению имени: Матвей – божий человек. Материальное благополучие не связано с моральным удовлетворением.

Рассмотрим подробнее воплощение мифологического начала имени главного героя.

В тексте художественного произведения имя главного героя постепенно меняется, выстраивается парадигма имени: *Кривомазов Омон: Омка – Омон – Омон Ра – Ра – молодой человек*.

Имя *Омон*, образованное от аббревиатуры ОМОН – отдел милиции особого назначения, олицетворяет мифологические представления советского человека о сущности имени и влиянии его на судьбу: *Омон – имя не особо частое и, может, не самое лучшее, какое бывает. Меня так назвал отец, который всю жизнь проработал в милиции и хотел, чтобы я тоже стал милиционером*.

– Пойми, Омка, – часто говорил он мне, выпив, – пойдешь в милицию – так с таким именем, да еще если в партию вступишь... [7, с. 7].

С детства Омона интересовало происхождение человека по образу и подобию бога, он сам выбрал

бога, на которого хотел быть похож. Им стал бог Ра, «которому доверились много тысяч лет назад древние египтяне, ...у него была соколиная голова, а летчиков, космонавтов и вообще героев по радио часто называли соколами» [7, с. 73]. Омон в своих фантазиях представляет себя в качестве бога Ра («И с тех пор, хоть я и откликался на имя Омон, сам себя я называл Ра; именно так звали главного героя моих внутренних приключений...» [7, с. 74]). Имя главного героя имеет прямую аллюзию на мифологема – Амон Ра – полное имя древнеегипетского бога солнца. Значение имени *Омон*, олицетворяющее идеалы советской действительности, пересекаются с мифологемой *Амон*. Так, имя, данное при рождении, олицетворяет приземленность, поиски земной – меркантильной выгоды в условиях суровой действительности, а имя бога, к которому стремится герой – стремление к высшим идеалам.

Героя с детства интересовало небо, бог Ра, поэтому он стремился выполнить предначертанный путь и поступил в отряд космонавтов, где ему уготовано «стать небесным телом». Для полета на луну он выбирает позывной *Ра* – дает возможность герою своих внутренних фантазий ворваться в реальный мир. На один момент ему показалось, что он совершил великое дело, к которому шел с рождения, но, отступив от заданной траектории, герой осознает обманчивость всей ситуации. Разочаровавшись во всех идеалах, которые с упорством Омон себе внушал, он не расстается с идеей о полете. Человеческое существование – жизнь – тот же полет, а вместо лунохода может быть, что угодно, только значимый компонент, без которого все это не имеет значения – человек: «...когда подошел поезд, я без всяких колебаний шагнул в раскрывшуюся дверь. Она закрылась, и поезд повез меня в новую жизнь. «Полет продолжается» – подумал я» [7, с. 162].

Герой следует за мифологическим началом того имени, которое выбрал сам, воплощая в стратегиях поведения мифологическое начало имени, данного при рождении. В конце произведения Омон видит в зеркале себя: *Из зеркала на меня посмотрел молодой человек с очень давно небритой щетиной; его глаза были воспалены, а волосы сильно всклокочены. Одет он был в грязный черный ватник, в нескольких местах вымазанный побелкой, и имел такой вид, словно спал последней ночью черт знает где* [7, с. 161 – 162].

Созданный образ «молодого человека» без имени напоминает о человеческой сущности, о рождении человека без имени и о выборе жизненного пути непосредственно самим человеком.

Помимо полной формы имени собственного, в текстах художественных произведений широко употребляются краткие формы, характерные для русской системы имен. Краткие формы имен собственных (с уменьшительно-ласкательными суффиксами) являются маркированными и употребляются для обозначения особого отношения к герою. В рассматриваемых произведениях краткие формы антропонимов в большинстве случаев употребляются при обращениях ко 2 лицу. Употребление этих форм указывает на то, что герои хорошо знакомы, раскрывается ментальная позиция «свой – чужой». Также эта форма имен ис-

пользуется для определения социального неравенства людей как, например, в «П5» (часть «Зал поющих карнатид»):

– Они не поймут, – сказал майор. – Надо показать. **Васек**, иди сюда.

Мужчина в тренировочном костюме послушно подошел к майору.

– Покажи руки, – скомандовал доктор.

Васек вытянул руки перед собой. Они заметно тряслись [9, с. 23].

Герой не представляет ценности для говорящего, его используют в качестве испытателя неизвестной вакцины. Употребленная форма имени – *Васёк* – к взрослому мужчине свидетельствует о пренебрежительном отношении говорящего, указывает на социальное неравенство.

В русской ономастической системе выделяется особая форма имени – прозвище («дополнительное имя»), употребление этой формы нацелено на создание и разоблачение мифа о герое произведения. Использование прозвища всегда мотивировано текстом произведения. Например, герой романа «Желтая стрела» Хан получил кличку *Стоп-кран*.

Собственное имя Хан не входит в русский ономастикон, как следствие этого, несет мифологическое значение «не принадлежащий русской культуре», «чужой», так же, как и имена: *Али*, *Алаудин* («П5»), *Гусейн* («Generation «П»») и др. С целью сближения разных языковых культур используется дополнительное именование героя – присвоение прозвища.

Использование нескольких имен для обозначения одного героя помогает автору создать смысловые наслоения, обозначая и «категорию родства», и культурную принадлежность. Рассмотрим трехчленное полное имя собственное одного из героев романа «Омон Ра»:

Начальника полета звали **Пхадзер Владиленович Пидоренко**. Он был родом из маленькой украинской деревни Пидоренки, и его фамилия произносилась с ударением на первом «о». Его отец тоже был чекистом и назвал сына по первым буквам слов «партийно-хозяйственный актив Дзержинского района»; кроме того, в именах Пхадзер и Владилен в сумме было пятнадцать букв, что соответствовало числу советских республик. Но все равно он терпеть не мог, когда к нему обращались по имени, и подчиненные, связанные с ним различными служебными отношениями, называли его или «товарищ генерал-лейтенант», или, как мы с Митьком, «товарищ начальник полета» [7, с. 60].

Анализируемый антропоним содержит несколько мифологем. Интерпретация имени *Пхадзер*, данная в тексте произведения, указывает на приверженность семьи героя советским идеалам (имя ребенка как дань моде советского времени). Отчество героя – *Владиленович* (Владимир Ильич Ленин) – подтверждает значение, заложенное в имени, удваивая его. Использованная фамилия – *Пидоренко* – имеет аллюзию на два явления: созданный автором миф о деревне с одноименным названием; ассоциации читателей (значение нетрадиционной сексуальной ориентации). Отрицание собственного имени может расцениваться

как действие с целью сокрытия важной информации, являющейся достоверной.

Рассмотрим второй тип модели поведения героя – герой отвергает мифологическое начало антропонима, борется с ним. К таким героям можно отнести, например, героев романа «Шлем ужаса»: *Monstradamus*, UGLI 666.

Например, *Monstradamus* не остается равнодушным к собственному имени, отрицает его: «*Nutscracker: ...Навуходоносор просто теоретизирует, верно? Monstradamus: Я не Навуходоносор... Я такой же Монстрадамус, как Навуходоносор, так что какая разница*» [8, с. 41]. Второе имя – *Навуходоносор* (царь Вавилона в 604 – 562 гг. до н. э., завоеватель Египта, Ассирии, Финикии и Палестины, создатель обширного Вавилонского царства), данное герою другими героями (*Romeo-y-Cohiba*, *Nutscracker*), хотя и отрицается *Monstradamus*, проявляется в поведении героя, которое соответствует представлениям о лидере, завоевателе, созидателе. Оказавшись в изолированном «мире», герой берет на себя роль вождя и пользуется собственной интуицией и знаниями для получения информации, способствующей выживанию. В качестве обращения к *Monstradamus* героями используется усеченная форма имени – *Монстр*, которая отвергается героем. Несмотря на то, что имя *Monstradamus* имеет семантику «монстр, ужасающий», она не находит своего подтверждения в поступках героя, в отличие от семантики «прорицатель» (*Monstradamus* → *Nostradamus* – французский врач, алхимик, знаменитый своими пророчествами). Герой, подобно Нострадамусу, отгадывает сложные ребусы, предсказывает появление Минотавра и Тесея, занимается толкованием сновидений и прорицанием. *Monstradamus* читает и расшифровывает знаки, которые помогают героям.

Имена героев рассматриваемого типа не входят в русскую систему именослова, являются продуктом имитационности автора. Из-за сложной структуры имен (UGLI 666 – состоит из аббревиатуры, имеющей различные прочтения, и цифр с мифологическим значением; *Monstradamus* – соединение лексем «монстр» и «Нострадамус»), соединяющей противоположные значения, герои, носящие эти имена, отвергают одну мифологическую составляющую и принимают другую. Анализируемый тип имен представлен малочисленными примерами.

Завершая анализ, подчеркнем следующее. Создавая сложные, замысловатые имена, автор текста стремится с их помощью «играть» с читателем, отправляя его по разным направляющим «интеллектуального лабиринта». Коды к пониманию имен прочтываются по-разному, в зависимости от уровня образованности читателя. Рефлексии героев относительно значения и происхождения имен – один из художественных приемов литературы постмодернизма, который обращает внимание на один из возможных вариантов интерпретации и создания дополнительного мифа.

Антропонимы рассматриваемых произведений могут быть как нейтральными, так и имеющими отсылку к мифологической составляющей. Развертывание мифа имени на страницах постмодернистских

текстов – это воплощение заложенных именем стратегий поведения, отсылающих к связи с мифологемами и лингвокультурами, это воплощение социальных позиций героев (социальный миф).

Имена, соответствующие системе русского ономастикона, могут быть как нейтральными, так и ми-

фологически наполненными, в зависимости от контекста употребления формы имени. Для имен, не входящих в русскую систему антропонимов и окказиональных имен, характерна маркированность значением «чужеродности».

Литература

1. Резанова, З. И. Имя и миф в лингвофилософской и позитивно-лингвистической интерпретации XX в. / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 3(5).
2. Резанова, З. И. Миф и наука: метаязыковые рефлексии о соотношении имени и именуемого в истории философии и языкознания. Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты / З. И. Резанова / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – Ч. 1.
3. Литвина, А. Ф. Варьирование родового имени на русской почве. Об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Именослов. Заметки по исторической семантике имени / сост. Ф. Б. Успенский. – М.: Индрик, 2003. – 280 с.
4. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский / под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 536 с.
5. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
6. Пелевин, В. Generation «П» / В. Пелевин. – М.: Вагриус, 2003. – 368 с.
7. Пелевин, В. Омон Ра. Желтая стрела / В. Пелевин. – М.: Вагриус, 2004. – 240 с.
8. Пелевин, В. Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре / В. Пелевин. – М.: Открытый Мир, 2005. – 224 с.
9. Пелевин, В. П 5 / В. Пелевин. – М.: Эксмо, 2008. – 288 с.
10. Библия // JesusChrist.ru Сервер Христианского общения. – Режим доступа: <http://jesuschrist.ru>
11. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: теория и методы / В. В. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.

Информация об авторе:

Белоконева Анна Олеговна – аспирантка Национального исследовательского Томского политехнического университета, эксперт учебно-методического отдела Института международного образования и языковой коммуникации ТПУ, г. Томск, 8(3822)560-161, bela@tpu.ru.

Belokoneva Anna Olegovna – post-graduate student at Tomsk Polytechnic University, expert at the Educational and Methodical Department of the Institute of International Education and Language Communication of TPU, Tomsk.